

За Веру, Царя и Отечество! Выпуск седьмой Основаны Игорем Макаровым

Святые мощи будут почивать в Дивеево

В одной из бесед со своим духовным сыном Н. А. Мотовиловым батюшка Серафим предсказал, что ему, во времена отдаленные, надлежит перейти из Сарова в Дивеево и там открыть проповедь всемирного покаяния, на которую соберется великое множество народа.

Саровский монастырь в 1927 году был закрыт и мощи святого старца изъяты ЧК.

«Ящик запечатали, а сами разделились на четыре партии, сели на несколько саней и поехали в разные стороны, желая скрыть, куда они везут мощи. Ящик повезли в Арзамас через село Онутино, где и остановились ночевать и кормить лошадей. Однако, как ни хотели скрыть концы, но когда тройка со святыми мощами въехала в село Кременки, там на колокольню ударили в набат», — вспоминает дивеевская монахиня матушка Серафима (Булгакова).

С этого момента и вплоть до ноября 1990 года мы не имеем почти никаких сведений об останках Преподобного. Существует предание, что во время перевезения мощей из Сарова по дороге в Ардатов, они таинственным образом исчезли. По другой версии, мощи были доставлены в Москву, в Донской монастырь, где хранились до 1946 года, а затем были перевезены в Ленинград, в музей атеизма, располагавшийся до недавнего времени в Казанском соборе. В связи с передачей собора Русской Православной Церкви в нем началась проверка фондов, и в одном из хранилищ были обнаружены гробы с останками русских святых. Именно здесь были найдены мощи св. князя Александра Невского, Зосимы, Савватия и Германа Соловецких. А в начале ноября 1990 года найден завернутый в рогожу гроб с останками саровского чудотворца. По поручению Патриарха было проведено тщательное обследование открытых мощей двумя епископами. Установлено их соответствие по подробному описанию в актах канонизации 1903 года и по протоколу изъятия.

Для хранения святых мощей Преподобного Серафима, в течение восьми дней была изготовлена новая рака. Перенесение в Свято-Троицкий собор Александрово-Невской Лавры назначили на 2 января 1991 года.

В ночь накануне этого события над городом засверкали молнии и раздались оглушительные раскаты грома. Летописцы былых времен заметили такие явления как знамение свыше.

В 16 часов Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил собравшихся и воцарилась необычная тишина. Митрополиты Иоанн и Ювеналий, епископы Арсений, Евгений и Виктор выносят святыню. Все словно подались к еди-

ному центру и хор грянул величание. Патриарх первым приложился к святым мощам. Он обратился к собравшимся со словом о святости, необходимой людям в деле обновления образа Божия в человеке, а затем с горячей молитвой к Преподобному Серафиму: «...Ныне, предстоя пред ракой с твоими святыми мощами, просим: научи нас дружелюбию и радости о Духе Святом, помоги преодолеть все разногласия и нестроения, даруй мир и благоденствие народу нашему ныне и в грядущие времена».

Над святыней был совершен первый молебен.

В шестом часу вечера процессию встречали у ворот Александрово-Невской Лавры. Дорожка от ворот Лавры к собору была усыпана живыми цветами и устлана ветками можжевельника. Во время всеобщей Акафист преподобному читали поочередно Патриарх, епископы, настоятели ленинградских храмов. Поклонение мощам и елеопомазание завершились в одиннадцатом часу.

Мощи святого молитвенника за землю русскую находились в Свято-Троицком соборе до 6 февраля, после чего они были перевезены в Москву.

С седьмого часу утра 7-го февраля народ на Ленинградский вокзал прибывал и прибывал, скапливаясь возле перрона, к которому ждали поезд с народной святыней.

«В подтверждение того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу, православно и благочестиво живущих, батюшка отец Серафим сказал некогда... что однажды, быв в духе, видел он всю землю Русскую и была она... как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся ко Господу», — вспоминает Мотовилов в 1844 году.

Здесь и там слышится величание Преподобному, у входа в вокзал замерли хоругви. Свечи на перроне, свечи в окнах ожиждания, а что там, на площади? Жива Россия! Будут прославлены безымянные мученики за веру: не на погибель, а во благо дастся Церкви испытания, «День ото дня все ярче сияет Ее венец», — говорил святой Патриарх Тихон.

Настоящее, уже в девятом часу, ожидание исполнилось. Ожидающие и сопровождающие, во главе со Святейшим Алексеем II, поют торжественное «Ублажаем тя...» Торжественная процессия увлекает за собою кажется всю площадь и движется по Рязанской улице к Патриаршему Богоявленскому Собору. Поодаль плывет над морем голов портрет Государя-мученика, чья судьба связана духовными нитями со святым Серафимом. От Елоховской доносится праздничный звон. Москва еще не ударила в набат, но тропка к Преподобному становится с каждым днем все длиннее.

«Русский вестник».

МЕЖДУ тем мы спустились на берег речки, или лучше сказать, лесного источника, где некогда стояла келлия Серафима. Над родником поставлен навес, куда приходят черпать воду благочестивые почитатели его памяти, но уже не видать и следов пустынной хижинки и возделываемого им огорода: так все понемногу стирается с земли с собственным следом человеческого!

«Здесь в первый раз увидел я отца Серафима», сказал мне мой спутник, «когда пришел на послушание в обитель; он взял меня за голову и поцеловал, потому что был чрезвычайно ласков к каждому приходящему, и сказал только: спасайся, будешь монах. Такая ангельская доброта была в его взгляде и речи, что невольно привязывалось к нему сердце, и никак нельзя было подумать, что сам он до такой степени строг к себе, видя его снисхождение к другим, вовсе ему неизвестным».

Покамест мы стояли у источника, подошли еще несколько богомольцев, предводимых монахом в белой одежде и низкой камиллаке, по тому подобию, как носили их пустытники Саровские и сам отец Серафим: приятно было такое напоминание о блаженном старце, на тех местах, где он спасался. «Если вы едете к камню отца нашего, то подождите нас там», сказал пришелец: «мы туда же придем кратчайшей стезею», и действительно, едва только мы помолвились на месте ночной молитвы Серафима, как уже показались в чаще леса идущие к нам. Увидя камень, на котором столько ночей провел, истинно в серафимской молитве, подвижник, я изумился и едва верил взору и слуху. «Также изумлялись и самые очевидцы», сказал мне мой спутник, «и спрашивали старца, как мог он совершать такой трудный подвиг?» — «С помощью укрепляющей благодати Божией», отвечал старец, «иначе не стало бы сил человеческих, и помолчав, присовокупил: «когда умиление есть, то с нами Бог».

На обратном пути в обитель я уже хотел отделиться от пеших моих спутников и пошел с ними вместе, другою узкою тропкою, к бывшей келлии Назария, Игумена Валаамского и его ученика Илариона, где временно обитал и Марко. Беседа наша текла о прежних подвижниках Саровских и о совершенном оскудении пустынножительства, ради боязни, бывшей у настоятеля Нифонта; по некоторым случаям укрывательства беглых в лесу, он велел сломать все пустынные келлии, где некогда обитали отшельники, и неохотно дозволял уединяться новым подвижникам, хотя сам, по духу и жизни, был один из самых ревностных делателей вертограда Божия. Особенно тот, кто сопутствовал мне в одежде бывших пустынножителей, скорбел о такой житейской предосторожности в деле, выходящем из обыкновенных пределов житейского. Он жаждал уединиться на Афонскую гору, чтобы там вначале утолить душу любимым уединением, и спрашивал меня

о путях на Восток и о подвигах тамошних старцев.

Мы возвратились в обитель, по берегу речки Саровы, мимо шумных ключей, бьющих из-под навеса древних сосен в этом лесном оазисе, как бы нарочно созданном для пустынножительства. Добрый настоятель ожидал меня в своей келлии, и мы продолжали с ним беседу о подвижниках Саровских, которые были так близки его сердцу. «Справедлива ли молва», спросил я, «будто отец Игумен Нифонт не любил отца Серафима и не позволял ему ни жить в пустыне, ни принимать посетителей? Как объяснить такое странное чувство к мужу праведному, каким был Серафим, в душе благочестивого Нифонта?» — «Кто усомнится в праведности обоих!» — простодушно отвечал Исайя. «Мне, бывшему свидетелем благой жизни и всего, что сделал для святой обители покойный отец настоятель, можно ли не восхвалять его добродетели! а слава о добродетели отца Серафима ходит по всей России; но бывают иногда, по тайному попущению Божию, некоторые недоумения и между людьми самыми святыми, как о том читаем в их житиях. И тут однако не без причины было неудовольствие отца Игумена.

Строгий блюститель древнего чина Саровского, положенного первоначальником нашим, он не мог равнодушно видеть, как иногда нарушался этот устав, стечением людей обоего пола, хотя и благочестивых, в келлию затворника, когда устав строго запрещал такие посещения. С другой стороны, старец Серафим, испытанный долгим затвором и пустынножительством, конечно не без особого откровения, ему лишь ведомого, открыл двери своей келлии приходящим для духовного назидания, и хотя сн казался нарушителем заповеди монастырской, был однако, с крайним для себя истощением, исполнителем заповеди Христовой о любви; а я знаю, что предместник мой был исполнен к нему искреннего глубокого уважения».

«Прежде нежели оставит обитель», сказал я настоятелю, «мне, знавшему только по слуху о великих отцах ваших, и уже опоздавшему видеть их, го моему недостоинству, хотелось бы войти хотя в молитвенное общение с ними; прошу вас взлететь для меня отлететь панихиду в соборе о душах первоначальника Иоанна, Ефрема, Назария, знающего мне по Валааму, предместника вашего Нифонта и пустынников Марка и Серафима». — «Желание ваше будет исполнено», отвечал игумен, «и я пойду помолиться вместе с вами, над гробами блаженных отцов наших, да воспомянут и они поминующих их усердно, в своих молитвах».

Мы вошли опять в собор; тихая панихида совершена была

ПРОЩАНИЕ С МОНАСТЫРЕМ

о усопших, с литиею над гробами Марка и Серафима: так я мысленно ознакомился и простился с ними. Уже время было оставить их обитель; в святых вратах настоятель предложил мне взойти еще в малую церковь Святого Николая, что над вратами под колокольню, и на самый верх ее, дабы оттоле окинуть взорами окрестность. Я изумился пустынному зрелищу: мне открылось лесное море, в полном смысле сего слова, потому что ничего, кроме зеленых вершин, волнующих шумным ветром, наподобие волн морских, не представлялось с уединенно-го столпа колокольни, хотя и превосходила она высоту вековых сосен; кое-где, из сей лесистой пучины, подымалась тонкой струей облако дыма, как бы от пустынного кадила, обличая жилище человеческое в дремучей чаще, или, быть может, нечаянное и нежеланное пламя, там, где чернее и шире становилось это облако. Дикая и, по-видимому, однообразная картина имела свою поэтическую красоту, и глас шумящей дубравы напомнил мне псаломный глас Господа, сокрушающего кедр Ливанские и сотрясающего пустыню Каддийскую (псал. XXVII). В безмолвном человеческом многоглазольна природа!

КОГДА мы сошли с колокольни, уже все было готово к отъезду; настоятель с старшею братиею, исполненные гостеприимного радушия и любви по истине христианской, хотели проводить меня хотя несколько шагов за ограду, потому что уже наступало время вечерни; они спустились со мною с крутого холма на мост. «Увидимся ли еще с вами в сей жизни!» говорил мне смиренный Исайя: «пустынь наша вне обыкновенных путей человеческих!» и в эту минуту ударил вечерний колокол. «Он зовет нас обратно», сказал старец: «ровно сутки провели вы в нашей мирной обители, от одного вечернего благовеста до другого; Господь да направит стопы ваши, а мы воспомянем о вас в своих молитвах».

ТАК мы расстались; Игумен с братиею тихо поднялись в свое мирное пристанище, а я, переехав мост, погрузился опять в дремучий бор. Несколько шагов по рыхлому песку, посреди леса, — и скрылась от взоров обитель: такую непроходимую оградю отдалена она от мира. Я остановился и взглянул назад, чтобы еще раз с нею проститься взором, но кроме густой чащи ничего не видел позади и окрест себя. Казалось, все, что я видел, в течение целого дня, было одною минутною мечтою воображения, и можно было поверить, что это мечта, если б, от времени до времени, удаляющийся колокол не обличал мне действительного существования пустыни.

А. Н. МУРАВЬЕВ, 1849 г.

Молитвами Святых Отец наших (Саровских и Оптинский), Господи Иисусе Христе, Боже наш — помилуй нас!

Всепреподобнейший, Богоноснейший, Любезнейший и Всепречествейший в Иеромонахах Батюшка и Благодетель мой отец Исайя — благословите!

От куду качну плакати толкового моего окаянства и каменносердечия, что и самого сродства своего отчуждился! Вот уже более прошло десяти лет, как я невольно лишился сладкого для меня лицезрения Вашего; и столько же минуло времени, как я произвольно лишил себя полезного для меня собеседования с Вами чрез посредство писем. В таком пороке немощи и отчуждения чужь я не превзошел и самых бессловесных! почему нынче и предстаю пред Вами в человеческом виде не дерзая, но яко некая увечная скотина прихожу к Вам с поклоном к земле главою, смиренно прося милости, сиречь простить меня, не ради меня, но ради Господа всех туге милующего. Самую истину Вам скажу, что кесмы достоин наместился Сын Твой! На время мне жаловаться нельзя, сколь бы его скудно ни было, ибо оно на праздность всегда бывает достаточно; но жалуюсь Вам на свою леность, от которой в толикое пришел нерадение, что не только что-либо сделать великое, но бывает так, что и перекреститься трудно — как будто бы связаный чьим; по сей причине, сколько ни силился, не мог желанья моего в деле произвестти. Нынче же, ощутив в духе некую свободу, видно молитвами Вашими или благословением моего Батюшки, спешу предстать и сообщить Вам мои сердечные чувствования.

Может быть, и в самом деле молчанье мое было Вам огорчительно, но оно происходило не от того, чтобы я не любил Вас, да и не дай мне Бог до такой беды дожить, чтобы перестать любить и помнить Вас; но более происходило от того, что я обносил в памяти моей слова Божии, к преступнику Кайну произнесенные: «Согрешил ли Еси — умолкни, коему и я в зависти и жертвоприношении уподобился, а в неких еще порках и оного превзошел, почему и сама совесть заграждает уста.

Вторая причина моего молчания происходит от скудости в разуме. Всякий соделанный грех помрачает ум и безумным человека делает, а у меня не проходит ни дня, ни ночи и даже ни одного часа, свободного от делания многообразных грехов, а потому истинно безумен, безумен есмь... безумно молчу, безумно и говорю!

О себе Вам донесу, что ради молитв Ваших Святых Господь Бог еще не погубил меня, но даже до днесь долготерпит мне и не точно не накажет, но еще и милость свою не престаивает ко мне изливать. Слава Богу, я жив и здоров, довольствуюсь покоем по внешнему человеку и хотя козлище есть греховное, но нахожусь в стаде овец Христовых и более осьми лет гочен чинов Ангельским, а всего удивительнее та милость Божия, что уже и сакон Священства без заслуги награжден, по чину коего и МИР ВСЕМ возведано, но оного [мира] в себе самом не обретаю, по Давидову слову: несть мира в костях моих, от лица грех моих.

К нещастию моему, в прошедшем году у нас три иеромонаха скончались, в том числе и известный Вам отец Иосиф, то Батюшке отцу Строителю рассудилось на место их других возвести и с оными и меня, почему и был отправлен в губернский город Орел, где августа в 15 день Пресвященным Гавриилом, Епископом Орловским, рукоположен в иеромонаха, и вот уже почти год протекло, как иду на себе иго священства, хотя и недостойно, ибо как в меньших дарованиях Божиих оказался я невтором, так и ныне в большем — с большим бесстрашием всегда раздражаю

Господа, благодетельного мне, а потому и не знаю, какою казнь буду претерпевать за злодейство свое. Вст вам сведение о всем чине самое девольное, теперь Вам намерен сообщить отчасти о должности своей, о занятиях, о бедственном положении моем и о прочем, что придет на память в дурную мою голову, только Бога ради не поскучайте беседою моею, я десять лет вас не видел и ничего не говорил...

Во-первых, доношу Вам для ведения о должности своей, какковых есть на одиа, а именно: 1-е; по перемещении Батюшки отца Моисея в монастырь начальником, я по нем переведен в архиерейские кельи, в коих нахожусь, занимаю должность келейника архиерейского, т. е. выметаю сор — наблюдаю чистоту — протапливаю печь — просеиваю уголья — приготавливаю теплый укроп для немощных — и проч. 2-е; занимаю должность гостиника скитского, т. е. всякого приходящего к нам первый я

Шедевр Саровского архива

ПИСЬМО ОПТИНСКОГО СКИТОНАЧАЛЬНИКА АНТОНИЯ БРАТУ, САРОВСКОМУ КАЗНАЧЕЮ ИСАИЕ, 1828 г. Публикуется впервые.

Должен принять — успокоить — занять разговорами — и отпустить с миром. 3-е; имею должность уставщика и голосовщика церковного в ските, а иногда и в монастыре. 4-е; должность иеромонаха, а в чем она состоит, Вам давно уже известно. 5-е; за отсутствием Батюшки отца Строителя занимаю должность его в ските, отчасти и не полновластно. Он поступил со мной так, как делают домовитые хозяева; когда у них мало людей для охранения вертоградом, то ставят мертвое чучело в образе человека, которое хотя слепо — глухо и немое, но пугает хищных птиц. Точно то же и я делаю.

О всех занятиях наших, если подробно писать, то будет слишком отяготительно и слушать; а донесу только о главном упражнении нашем, которое всегда начинается с Весны. Мы всебратственно, яко некие во чреву работающие Кроты, копаемся в земле, кое-что сеем — поливаем — удобряем — от терний счищаем, в чаянии по трудах от собранных плодов иметь покой для брюха, которое зря гобзование радуется и говорит себе: «имаша блага многа, почивай, яждь, пий и веселися». Вот в кратких словах представил Вам наши общие труды летние, а самой мы по большей части исправляем должность хомяка, и так Господу Богу благодарение, мы действительно изобилуем плодами для брюха; а о духовных в недоумение пришел, не знаю, что и сказать. Однако некоторые из числа сообитателей наших с помощью Божией изобилуют и оными. А я, увы мне!... Старец мой много трудился, много потился, много сеял спасительного семени; но нива моя сердечная от нечувства совершенно окаменела, а потому не точно плодов, но и листу зеленющего поне для внешнего вида не имею и как был, так и есмь, с голыми руками и окаменелым сердцем. А потому вправду должен сказать, что душа моя пред Богом яко земля безводная! Отчего часто унывает дух мой и смущается сердце от обшедших мя зол. Но слава премному долготерпению Божию ко мне! яко Он меня за беззакония мои еще не казнил, еще вид мой в звериный не претворил. И действительно, кто издала на меня поштрист, то и я похож еще на человека; а если рассмотреть поведение, заглянуть в сердце, то ей! плача многого достоин. И сие то есть бедственное мое положение, о коем донеся Вам, прошу Вас, Батюшка, с болезнями сердца — воздохните о моем окаянстве пред Богом и излийте к Нему слезу Вашу да исцелею. — Многие Угодники Бо-

жни постом смирjali душу свою, от которого и у Святого Давида изнемогли колена, а потому Они избобиловали и плодами духовными; а у меня от одного воображения о воздержании заразче делается уныние. Из сего можете Вы заметить, что я с большим усердием работаю часу, так что и мои колена изнемогают, но не от поста, а от излишья; и из трапезы как будто бы с кулашнова бою с ноги на ногу едва тащусь до кельи, пришедши же к себе, предаюсь сну и столь сладко, что, проснувшись, едва распознаю, утро или вечер есть. Сие Вы, Батюшка, Любезный! не примите за ксхунство, ей истину говорю; пусть кны величаются, как хотят, своими исправлениями, а я должен о немощах своих пред вами правду сказать, коими, к нещастию моему и к вечному стыду моему, я избобилую очень девольно, а всему сему злу есть корень, есть страсть обжорства. От порабощения которой да избавит меня Господь

по большей части Сам, имеет монастырь три водяные мельницы расстоянием от обители в верстах осьми и менее, над которыми еженедельный надсмотр имеет Сам, посетители обоего пола и благодетели хотя изредка бывают, но по обычаю здешнего края принимаются и угощаются в кельях настоятельских, чем он также Сам занимается; экономией и постройками с большою охотой занимается Сам, но скудость обители не попускает распространяться, ибо доходу церковного от мельницы и от добротов не более всего бывает в год 10 т. р. Письма просительные и благодарные, хотя не часто, но Сам пишет. А потому, видя его такой труд, Вы не будете на него негодовать, что не часто к Вам пишет, если бы мне досталась такая тягота, то давно бы я туда ушел, где бы меня никто не нашел, да и он от многих забот и неприятностей имеет у себя довольно поседевшую брану.

О нравах и поведении Братии говорить Вам ничего не смею да и не должен, ибо и своего горя не приплакать, [они] чуть ныне не везде одинаковы. Если бы и теперь были общезития такие, как древле, по писанию: «бо сердце и душа Едина: и ни един же что от имения своих глаголаше свое «быти, но бяху им вся обща». То истинно такая жизнь была бы сладка, да и смерть не горька; а то каждый у себя имеет свой ковчежец и вмещаема в оной хранит...

У АША Скитская убогая обитель год от года богатеет жильцами. Братия умножается, а Безмолвие, единокровие и душевное спокойствие умалается; но еще, слава Богу, хранение свести продолжается, которое необходимо нужно для духовной жизни. В конце прошедшего года поселился у нас наш Авва и Стол пустынный, старец отец Досифей, живший в пустыни более сорока лет, из которой нашедшу на него искушению уклонился к нам. Он нрава доброго и примерного, я его водворением у нас крайне доволен. Еще известный Вам послушник Гаврило Молдавский у нас безмолвствует третий год. Чувствительнейшую и покорнейшую приношу Вам благодарность за оказанную приязнь и любовь к нашему странствующему брату отцу Макарию, он о гостеприимстве Вашем с благодарным чувством нам пересказывал и доставил четочки к напоминанию о вас в молитвах, за которые Вас усердно благодарю [...].

С приближающимся всеобщим, а в особенности и Вашим Пресветлым и радостным Праздником Бессмертного Успения

люсь и тоски никакой не чувствую; книги же Отческие не точно читать, но и глядеть не хочется. Скажите же мне, какое может еще более сего быть бедствие! Если ли не исправлюсь, то постигнет мою душу еще бедствие в часе смертном, от которого не знаю, избавит ли меня Братия, но надеюсь, что Они с помощью Божиею избавят и тогда — в таком чаянии моем, Батюшка, Вы меня Бога ради не обезнадежите.

ЕЩЕ мне от праздности на свободе пришло желание сообщить Вам некоторые ненужные сведения, которые прошу сделать мне: удовольствие выслушать...

Батюшка отец Строитель наш имеет у себя Братии в монастыре 60 человек да в ските поболее 20-ти, а всего с лишком 80 человек; притом кроме управления еще он же и общий всем духовник, должность казначея, благочинного и письмоводителя исполняет Сам, закупкою разных потреб для обители занимается

по большей части Сам, имеет монастырь три водяные мельницы расстоянием от обители в верстах осьми и менее, над которыми еженедельный надсмотр имеет Сам, посетители обоего пола и благодетели хотя изредка бывают, но по обычаю здешнего края принимаются и угощаются в кельях настоятельских, чем он также Сам занимается; экономией и постройками с большою охотой занимается Сам, но скудость обители не попускает распространяться, ибо доходу церковного от мельницы и от добротов не более всего бывает в год 10 т. р. Письма просительные и благодарные, хотя не часто, но Сам пишет. А потому, видя его такой труд, Вы не будете на него негодовать, что не часто к Вам пишет, если бы мне досталась такая тягота, то давно бы я туда ушел, где бы меня никто не нашел, да и он от многих забот и неприятностей имеет у себя довольно поседевшую брану.

О нравах и поведении Братии говорить Вам ничего не смею да и не должен, ибо и своего горя не приплакать, [они] чуть ныне не везде одинаковы. Если бы и теперь были общезития такие, как древле, по писанию: «бо сердце и душа Едина: и ни един же что от имения своих глаголаше свое «быти, но бяху им вся обща». То истинно такая жизнь была бы сладка, да и смерть не горька; а то каждый у себя имеет свой ковчежец и вмещаема в оной хранит...

У АША Скитская убогая обитель год от года богатеет жильцами. Братия умножается, а Безмолвие, единокровие и душевное спокойствие умалается; но еще, слава Богу, хранение свести продолжается, которое необходимо нужно для духовной жизни. В конце прошедшего года поселился у нас наш Авва и Стол пустынный, старец отец Досифей, живший в пустыни более сорока лет, из которой нашедшу на него искушению уклонился к нам. Он нрава доброго и примерного, я его водворением у нас крайне доволен. Еще известный Вам послушник Гаврило Молдавский у нас безмолвствует третий год. Чувствительнейшую и покорнейшую приношу Вам благодарность за оказанную приязнь и любовь к нашему странствующему брату отцу Макарию, он о гостеприимстве Вашем с благодарным чувством нам пересказывал и доставил четочки к напоминанию о вас в молитвах, за которые Вас усердно благодарю [...].

С приближающимся всеобщим, а в особенности и Вашим Пресветлым и радостным Праздником Бессмертного Успения

Пресвятая и славная Царица каша Богородицы и Приснодевы Марии Вас, Батюшка, поздравляю и от всего сердца желаю сей вожделенный Праздник препроводить в здравии радостно.

Его Высокопреподобию Всепречестнейшему и Преподобнейшему Батюшке Вашему Господину Отцу Игумену прошу свидетельствовать мое всесердечное почтение с поклоном главы моей к стопам Его и доложите Ему, что Его Святое имя в памяти моей содержится и попросите у него милости, чтобы когда-нибудь Он и о моем недостойстве воздохнул пред Христом Спасителем в молитвах Святых. А также и их Преподобиям Честнейшим и Достопочтеннейшим отцам священноиеромонахам батюшке отцу Исаакию, батюшке отцу Василию и батюшке отцу Виталию прошу свидетельствовать мое сердечное почтение с нижайшим поклоном и попросите их, чтобы они замолвили о мне пред Богом да исцелею. Еще прошу свидетельствовать мое почтение и поклонение Любезным братьям отцу Емельяну, отцу Василию и брату Самсону и пожелать им от меня успеха в деле послушания. Изредка случается, что некоторые из Вашей обители прохаживаются и бывали у нас, когда Они возвратились к Вам, прошу и им от меня поклониться и пожелать постоянства.

Любезнейший и Благодетельнейший мой Батюшка! крайнее мне стыдно и совестно пред Вами, что я выступил из границ благопристойности, самую меру потерь в изъявлении сих прескучных слуху и взору слов, хотела мне пред Вами из сердца моего всю вытряхнуть, но ей! никак невозможна. Господа ради простите меня от всего сердца за мою болтливость и примите уверение, что я с помощью Божией Вас впредь таким пространным многогочем беспокоить никогда не буду. Желательно мне от Вас получить хоть в половину против сего ответа, а когда нельзя, то и малую крупцу яко пес приму от Вас, Господина моего, со мною благодарностию.

Прости, Дражайший Благодетель мой! и когда-нибудь поплачь о мне. Не знаю, сподобит ли меня Господь Бог видеть лице ваше в жизни сей! Остаюсь к Вам до последнего моего издыхания с искреннею сердечною любовью и всеистинным почитанием; Вашего здравия, душевного мира и спасения усерднейший желатель и бездразновенный ко Христу Спасителю Молитвенник есмь Господа Иисуса — раб неключимый, Ваш бывший брат, а ныне сын по духу и слуга, убогова скита грешный чернец и пренедостойный иеромонах

Антоний Бездверостный, непогребную голову мою повергаю к святым ногам Вашим и с любовью оные лобызаю.

Простите!
июля 21-го
1828 г.
Скит

Св. Иоанна Крестителя,
находящийся при Оптиной
пустыни.

Погром обители

Пылают смрадно адовы Разверстыя врата. Святая в кольца гадовы Обитель обвита.

Над тихою лампадою Померкла синева. Под старою оградою Огнем сожглася трава.

Но чую дуновение Прохладных райских рос И знаю — в дым гонения Придет к земле Христос.

Свершатся упования, Крестом мы победим, И вражьи бесования Развеются, как дым.

Федор Сологуб.
26 января 1918 г.